ОТЪ АВТОРА.

В. Н. ИВАНОВСКІЙ.

МИСТИКА и СХОЛАСТИКА

XI—XII ВѢКОВЪ.

Ансельмъ Кэнтерберійскій, Абеляръ
и Бернардъ Клервальскій.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1897

ПРОВ. 1957

Дозволено цензурою. Москва, 7 октября 1897 года.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

3360
25

МИСТИКА И СХОЛАСТИКА

XI—XII ВѢКОВЪ.

(Ансельмъ Кэнтерберійскій, Абеляръ и Бернардъ Клервальскій).

Около половины XI вѣка грубая борьба всѣхъ элементовъ общества Западной Европы немного утихаетъ: являются новыя нужды и запросы; выступаютъ на первый планъ болѣе идеальныя потребности; поднимается авторитетъ папства, и оно готовится собрать весь западно-европейскій міръ подъ своей властью, очистить нравы духовенства, освободить его отъ феодальныхъ отношеній къ государямъ и пирамиду феодальнаго общества, основанную на землевладѣніи и завершающуюся императоромъ, перестроить въ теократическую, стоящую на почвѣ истины ученія Христова, скрѣпленную духомъ любви и властью духовенства, съ папой въ качествѣ верхняго камня. Начинаетъ распространяться и образованіе. Оно идетъ на сѣверъ изъ Италіи, гдѣ остатки древней куль- **Ансельмъ Кэнтерберійскій.**

Источники: *Abelardi opera omnia* (Patrologia Migne, t. 178); **Пособія:** *Ch. de Rémusat.* St. Anselme de Cantorbery. Paris. 1868; *Ch. Rémusat.* Abélard. Paris. 1845. 1—2 vol.; *Deutsch.* Peter Abälard, ein kritischer Theologe des 12 Jahrhunderts. Leipz. 1883; *Hausrath, A.* Weltverbesserer im Mittelalter. I. Peter Abälard. Leipz. 1895; *Hauréau.* Histoire de philosophie scolastique. 2 éd. 1878 г. и сл., 2 vol.; *V. Cousin.* Histoire générale de la philosophie. Paris. 1868 (5-me leçon); *Ueberweg.* Grundriss der Geschichte d. Philosophie, B. II; *Ланге, Ф. А.* Исторія матеріализма, перев. Н. Н. Страхова. Спб. 1881; *Герье, В. И.* Бернардъ Клервальскій (статьи въ „Вѣстникѣ Европы" за 1891 годъ).

туры сохранились въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Западной Европѣ. Итальянскій ученый юристъ Ланфранкъ изъ Павіи, сдѣлавшись монахомъ въ Бекскомъ аббатствѣ св. Маріи (въ Нормандіи), основываетъ тамъ школу, послужившую разсадникомъ многихъ другихъ.

Изъ многочисленныхъ учениковъ Ланфранка замѣчателенъ Ансельмъ (1033—1109), также итальянецъ (изъ Аосты). Благочестивый, мягкій, сострадательный, преданный книжнымъ занятіямъ и размышленію, сильно вліявшій на всѣхъ, кто приходилъ къ нему искать христіанскаго утѣшенія или поученія, Ансельмъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ своего времени. Изъ аббатовъ Бекскаго монастыря онъ былъ сдѣланъ архіепископомъ Кэнтерберійскимъ, примасомъ Англіи, по желанію короля Вильгельма Рыжаго, сына Вильгельма Завоевателя. На этой высокой должности онъ прославился упорной борьбой съ двумя королями за независимость церкви: онъ защищалъ противъ нихъ дѣло Григорія VII, дѣло папства, церковнаго порядка, нравственности и жизненнаго призванія духовенства, противъ грубаго произвола королей... Не только на всемъ Западѣ Европы, но и въ самомъ Римѣ онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что его называли „вторымъ Августиномъ“, „папой Запада“. Молва о его святости переходила изъ устъ въ уста. Біографы сообщаютъ много случаевъ изъ его жизни, ярко рисующихъ личность святого.

Такъ, говорятъ, одно время, еще будучи пріоромъ въ аббатствѣ Бекъ, онъ проводилъ цѣлыя ночи въ размышленіяхъ о тайнахъ вѣры. И вотъ, однажды ночью, когда онъ искалъ въ умѣ рѣшенія вопроса о томъ, какимъ образомъ могли пророки видѣть прошедшее и будущее такъ же ясно, какъ настоящее, онъ вдругъ сквозь нѣсколько стѣнъ увидѣлъ, какъ монахи собираются въ церковь къ утренѣ, подходятъ къ алтарю, зажигаютъ свѣчи и лампады, какъ одинъ изъ нихъ дергаетъ за веревку колокола и будитъ спящій монастырь. Послѣ перваго удивленія Ансельмъ понялъ, говоритъ его біографъ, что Богъ могъ, дѣйствительно, дать пророкамъ знаніе скрытаго во времени такъ, какъ ему сейчасъ чудесно было дано видѣть скрытое въ пространствѣ. Другой разъ Ансельмъ впалъ въ тяжелую болѣзнь и, когда сталъ уже выздоравливать, увидѣлъ однажды во снѣ широкую и быструю рѣку, которая несла въ своемъ руслѣ мужчинъ и женщинъ, богатыхъ и бѣдныхъ, съ наслажденіемъ плескавшихся въ ея волнахъ. „Это потокъ міра, а вонъ—тихая пристань“, сказалъ ему голосъ. И вдругъ открылся глазамъ Ансельма

обширный монастырь: стѣны его были изъ чистаго золота, на дворѣ росла серебряная трава, тихо склонявшаяся подъ людьми, которые на ней отдыхали... Ансельмъ избралъ себѣ жилищемъ это очаровательное мѣсто. „Хочешь ли узнать, что такое истинное терпѣніе?“ спросилъ его таинственный голосъ. Когда Ансельмъ сказалъ: „хочу“, — все исчезло, и ему стало ясно, что наша земная, скучная и тяжелая жизнь есть не что иное, какъ ожиданіе небеснаго блаженства: мы должны терпѣливо ее переносить, ожидая возвращенія въ наше небесное отечество.

Ансельму приписываютъ много чудесъ; его вѣра, кротость, чистота характера дѣлали иногда удивительныя вещи. Вотъ, напримѣръ, одинъ случай. Въ монастырѣ у Ансельма нашлись завистники, которые подговорили одного очень молодого монаха Осберна бранить Ансельма и смѣяться надъ нимъ. Ансельмъ, какъ бы ничего не замѣчая, продолжалъ относиться къ молодому человѣку попрежнему ласково: терпѣливо переносилъ его дерзости, хвалилъ за умъ, многое извинялъ молодостью, и скоро достигъ того, что Осбернъ сдѣлался его преданнѣйшимъ ученикомъ. Тогда Ансельмъ мало-по-малу усилилъ свою строгость къ нему, исправилъ его недостатки и сдѣлалъ изъ Осберна строгаго и ревностнаго исполнителя монашескихъ обѣтовъ и аскетическихъ подвиговъ. И впослѣдствіи Осбернъ просилъ даже Ансельма бичевать его, въ знакъ полнаго своего смиренія и безусловнаго послушанія.

Вообще Ансельмъ очень гуманно относился къ людямъ и, въ частности, къ дѣтямъ. „Что это значитъ?“ спрашивалъ Ансельма одинъ знакомый аббатъ: „День и ночь бьемъ мы порученныхъ намъ мальчиковъ, а они становятся не только не лучше, а все хуже и хуже, и въ концѣ концовъ изъ нихъ выростаютъ тупоумные и порочные монахи“.—„Дорогой аббатъ,“ отвѣчалъ ему Ансельмъ: „это и происходитъ именно отъ того, что вы не знаете другого средства, какъ страхъ, угрозы и побои. Этимъ вы убиваете въ нихъ всякую охоту къ свободной работѣ и извращаете всѣ ихъ помыслы и стремленія. Такъ какъ они не видятъ отъ васъ ни капли любви, нѣжности и расположенія къ себѣ и такъ какъ они къ вамъ не имѣютъ никакого довѣрія, считая, что все, что вы съ ними дѣлаете, вы дѣлаете изъ ненависти къ нимъ, то они растутъ съ сердцемъ, исполненнымъ злобы и подозрительности, и думаютъ только о дурномъ. При вашемъ воспитаніи они не имѣютъ понятія о томъ, что такое настоящая любовь; оттого они и выходятъ мрачными и на всѣхъ смотрятъ косо“.

Ансельма, по возвышенности его мысли и по его значенію для католическаго богословія на Западѣ, ставятъ рядомъ съ Отцами церкви и называютъ „философомъ Христа“. Основой его теологическаго ученія было положеніе: „Я вѣрую, чтобы понимать, а не стараюсь узнать, чтобы потомъ увѣровать“ (Credo, ut intelligam, neque quaero intelligere, ut credam). Ансельму принадлежитъ такъ называемое онтологическое доказательство бытія Божія. Вотъ какъ пришелъ Ансельмъ къ этой мысли, по словамъ его біографа.

Онтологическое доказательство.

Ансельму запала въ душу мысль доказать существованіе Бога такъ, чтобы оно сдѣлалось для всякаго яснымъ и неопровержимымъ. Эта мысль безпокоила его ежеминутно; отъ нея онъ потерялъ аппетитъ, сонъ, не могъ сосредоточенно молиться. Тогда онъ сталъ бояться, не демонъ ли внушилъ ему эту идею,—сталъ отгонять ее отъ себя. Но, вопреки всѣмъ его усиліямъ, она вновь и вновь вставала въ его умѣ. И вотъ, однажды ночью, во время всенощной, свѣтъ озарилъ его: все стало ему ясно; его сердце наполнилось великою радостью. Онъ увидѣлъ въ этомъ чудо благодати и въ пылу восторга тутъ же набросалъ основы своего разсужденія на навощенныхъ дощечкахъ, которыя отдалъ потомъ на сбереженіе одному монаху. Но когда черезъ нѣсколько дней стали искать эти дощечки, ихъ нигдѣ не могли найти. Ансельмъ записалъ тогда еще разъ свои мысли и отдалъ тому же монаху, а этотъ спряталъ ихъ въ самый дальній уголъ своей кельи,—и вдругъ на другое утро дощечки оказались разбитыми на мелкіе куски. Ансельмъ рѣшилъ тогда, что это дѣло духа злобы, который не можетъ вынести того, чтобы было доказано существованіе Бога. Затѣмъ онъ собралъ и сложилъ эти куски, прочелъ написанное и велѣлъ переписать на пергаментъ „во имя Господне“ (in nomine Domini). Съ тѣхъ поръ сочиненіе уже не подвергалось болѣе несчастіямъ.

Вотъ вкратцѣ, въ чемъ состоитъ изложенное въ этомъ сочиненіи онтологическое доказательство бытія Божія... Если есть *хорошія* вещи, то есть и *нѣчто хорошее* вообще, т. е. *благо*; такимъ же образомъ мы должны признать и то, что существуютъ красота, истина и другія хорошія качества. И мы можемъ и должны представить, что они существуютъ сами по себѣ, независимо ни отъ чего другого и притомъ существуютъ въ самомъ чистомъ видѣ, доведенными, такъ сказать, до высшей степени совершенства. Совокупность этихъ высшихъ совершенствъ есть Высшее Существо, духовное, неизмѣнное, вѣчное, всевѣдущее, всемогущее, вездѣ-

сущее... И даже безумный, говорящій въ сердцѣ своемъ: „нѣтъ Бога“ долженъ согласиться, что такое, т. е. *совершенное*, Существо необходимо должно существовать, такъ какъ, если бы Оно не существовало, Оно не было бы совершеннымъ, у него не хватало бы столь важнаго свойства, какъ *существованіе*. Слѣдовательно, это Существо непремѣнно должно существовать; слѣдовательно, оно существуетъ. „И это Ты, Господи Боже нашъ!“ (Et hoc es Tu, Domine Deus noster), восклицаетъ Ансельмъ... Впослѣдствіи это ученіе стало извѣстно подъ именемъ „онтологическаго доказательства бытія Божія“ (отъ *ὄν*, существующее, сущее), т. е. доказательства на основаніи необходимости *признака существованія* для того, чтобы Высшее Существо было вполнѣ совершеннымъ, т. е. дѣйствительно Высшимъ.

Ансельмъ былъ, какъ мы уже сказали, преимущественно религіознымъ мыслителемъ. Но въ то же время онъ былъ и однимъ изъ представителей средневѣковой философіи.

Средневѣковая и древняя философія.

Философія среднихъ вѣковъ была наслѣдіемъ классической древности, преимущественно Греціи; тамъ, повидимому, впервые возникла философія, какъ общее, охватывавшее весь міръ и независимое отъ традиціонной, языческой религіи знаніе. Но въ средніе вѣка характеръ и общее значеніе философіи сильно измѣнились сравнительно съ эпохой древности: философія, не теряя нѣкоторой свободы въ области истолкованія, относительно основныхъ принциповъ должна была всецѣло подчиняться богословію; въ средніе вѣка философія была ancilla theologiae (служанкой богословія). Извѣстно, какое значеніе и вліяніе уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ получила церковь и вообще религіозные интересы. Среди общаго крушенія античной культуры, когда варвары ломали рѣшительно все, что встрѣчалось имъ на пути, когда разрушилось государство и школа, пали наука и искусство, не распался только одинъ союзъ, крѣпкій нравственной связью своихъ членовъ,—христіанская церковь. Полудикимъ германцамъ недоступны были ни соображенія общественнаго блага, ни эстетическое созерцаніе, ни отвлеченная умственная работа, но и они, хотя и по-своему, хотя и очень грубо, но все-таки восприняли истины Евангелія. Церковь уже давно пользовалась для своихъ цѣлей кое-чѣмъ изъ научныхъ и философскихъ сокровищъ древности: въ своихъ ученіяхъ она познакомила новые народы съ отрывками древняго знанія и тѣмъ ввела новый міръ въ школу стараго.

Схоластика.

Истиннымъ учителемъ среднихъ вѣковъ, творцомъ „христіан-

ской философіи“ является бл. Августинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ [1]) мыслителей вообще. Впослѣдствіи, когда главные пункты вѣроученія были уже окончательно раскрыты, потребовалось представить его въ видѣ научной системы, обосновать и разработать. И поскольку философія среднихъ вѣковъ поставила себѣ эту задачу, она стала церковной „школьной наукой“, *схоластикой*. Но въ средневѣковой философіи было и другое направленіе. Если задачей схоластики было уясненіе и выраженіе въ точныхъ терминахъ и понятіяхъ того, что уже было дано вѣроученіемъ, то *мистика* вела человѣка чрезъ познаніе къ непосредственному восторженному созерцанію Божества, къ блаженному единенію съ Нимъ. Къ этимъ двумъ главнымъ теченіямъ философской мысли среднихъ вѣковъ позже присоединяется третье, имѣющее уже болѣе свѣтскій и собственно научный характеръ. Теперь мы займемся двумя первыми направленіями, въ ихъ взаимной противоположности; о третьемъ же будемъ говорить особо.

Схоластика, или школьная философія среднихъ вѣковъ, зародилась въ XI вѣкѣ. Уже и ранѣе въ епископальныхъ и монастырскихъ школахъ изучались нѣкоторыя изъ логическихъ сочиненій Аристотеля и немногихъ другихъ древнихъ мыслителей (Порфирія, Марціана Капеллы, Боэція, Кассіодорія), съ цѣлью выправки ума учащихся и подготовки къ правильному пониманію и разработкѣ вѣроученія. Но мало-по-малу, сперва робко и неувѣренно, а затѣмъ все сильнѣе и настойчивѣе, стало развиваться и стремленіе къ знанію вообще, наслажденіе знаніемъ ради знанія. Свѣтлая мудрость классической древности начинала интересовать сама по себѣ, и къ XIII вѣку дѣло возстановленія древней философіи было уже закончено: Аристотель сталъ *praecursor Christi in rebus naturalibus* („предтечей Христа въ дѣлахъ природы“). Начавъ, такимъ образомъ, съ истолкованія вѣроученія по правиламъ аристотелевской логики, средневѣковая философія кончила тѣмъ, что признала Аристотеля вторымъ своимъ авторитетомъ.

Первые шаги схоластики были очень трудны. Въ глухую эпоху

---

[1]) Въ ученіяхъ Августина замѣтно вліяніе одной изъ позднѣйшихъ философскихъ школъ древности—*неоплатонизма*. Къ этой же школѣ принадлежалъ и первый крупный и довольно самостоятельный мыслитель среднихъ вѣковъ, Іоаннъ Скоттъ Эригена (т. е. ирландецъ), одиноко стоящій среди своихъ современниковъ. О немъ извѣстно только то, что онъ жилъ въ IX вѣкѣ и Карломъ Лысымъ былъ вызванъ преподавать въ парижской придворной школѣ.

среднихъ вѣковъ казалось богопротивнымъ изучать языческихъ писателей,—они были исчадіями ада и діавола, и часто, вѣроятно, любознательный монахъ въ порывѣ религіознаго ужаса отбрасывалъ отъ себя, а можетъ быть, и жегъ интересный и глубокомысленный, но полный грѣха и соблазна древній манускриптъ. Однако, необходимость изложить полно и систематически истины вѣры для того, чтобы утвердить ихъ незыблемо на будущее время, чтобы поражать еретиковъ и убѣждать невѣрныхъ, заставила волей-неволей прибѣгнуть къ древности и позаимствовать у нея правила изложенія, доказательства и опроверженія. Содержаніе для средневѣковой мысли было уже дано въ готовомъ видѣ; она должна была только развить, истолковать и изложить его возможно обстоятельнѣе и убѣдительнѣе. Этимъ обусловливалась еще одна основная черта схоластической философіи: ей недоставало свободы, творчества, оригинальности; это была наука толкованія текстовъ; она соглашала авторитеты (auctoritas отъ auctor), а не изучала прямо дѣйствительность.

Однако, съ теченіемъ времени схоластика становится все болѣе и болѣе самостоятельной въ собственно философской области; отъ нея стали требовать лишь того, чтобы выработанныя ею воззрѣнія не противорѣчили догматамъ католицизма, строго держались бы въ ихъ рамкахъ; въ этихъ же предѣлахъ она завоевывала себѣ все бо́льшую и бо́льшую свободу. Но разъ изъ тѣхъ или другихъ ученій сами схоластики или даже только ихъ недоброжелатели и противники выводили какія-либо слѣдствія, противныя ученіямъ церкви,—эти слѣдствія объявлялись ересью, а породившая ихъ философская система—по меньшей мѣрѣ, подозрительной.

Тотъ фактъ, что схоластика выросла на логикѣ, обусловилъ *формально-логическій* ея характеръ. Схоластики извлекали изъ принятыхъ ими положеній цѣлыя системы выводовъ и заключеній, проводили множество самыхъ тонкихъ различій, безъ конца дѣлили и подраздѣляли... Не надо, конечно, забывать важной стороны этой работы: въ своемъ увлеченіи отвлеченно-логическимъ доказательствомъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ своей *діалектикой*, схоластики выработали удивительно точный языкъ и привычку къ строгому, послѣдовательному мышленію, которыя оказали большую пользу въ дальнѣйшемъ развитіи науки.

Вопросъ о природѣ универсалій. Реализмъ (Платонъ).

Однако, при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности въ формально-логической области, схоластикѣ пришлось столкнуться и съ однимъ чрезвычайно важнымъ вопросомъ, имѣющимъ уже не одно

только формальное значеніе. Это—вопросъ *о природѣ общихъ понятій* (или *универсалій*). Дѣло въ томъ, что уже съ самаго начала утвердился въ философіи совершенно правильный и единственно возможный взглядъ: что настоящій предметъ познанія—не частное, единичное, случайное, а то, что есть въ предметахъ общаго, постояннаго, существеннаго. Что же такое само это общее, постоянное и существенное,—то, благодаря чему предметы и являются именно тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ? Опредѣленно рѣшилъ этотъ вопросъ впервые Платонъ. Видя, что все на землѣ непрочно и измѣнчиво, что какъ души людей, такъ и внѣшніе предметы какъ бы содержатъ въ себѣ что-то, неудержимо влекущее ихъ къ порчѣ, измѣненію, разрушенію, Платонъ пришелъ къ мысли, что настоящій предметъ познанія—не нашъ земной, доступный чувствамъ міръ. Существуетъ, думалъ онъ, другой міръ вѣчныхъ, чистыхъ, неизмѣнныхъ вещей—міръ *идей*. Это какъ бы образцы, типы всѣхъ вещей, въ ихъ *настоящемъ* видѣ и значеніи. Нашъ земной міръ есть просто плохая, испорченная копія съ этого міра идей; наши земные, скоропреходящіе предметы — только слабыя тѣни, блѣдныя отраженія дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова, *существующихъ* идей. Люди въ теченіе своей жизни на землѣ находятся какъ бы въ пещерѣ, лежащей при дорогѣ; скованные по рукамъ и по ногамъ, они сидятъ спиной ко входу, черезъ который въ пещеру врывается потокъ свѣта. По дорогѣ движутся взадъ и впередъ разные предметы, люди и животныя, отбрасывающія неопредѣленныя, колеблющіяся тѣни на заднюю стѣну пещеры. Эти-то тѣни и составляютъ нашъ земной міръ; онъ даетъ лишь очень слабое понятіе о красотѣ и стройности своего прототипа. Сидящіе въ пещерѣ люди видятъ однѣ эти тѣни и ошибочно принимаютъ ихъ за что-то дѣйствительно существующее. Но если бы кто-нибудь изъ этихъ людей сбросилъ съ себя оковы и выбрался изъ пещеры, изъ этого міра призраковъ, то онъ могъ бы, освоившись съ непривычнымъ для него яркимъ свѣтомъ, различить и предметы вѣчнаго, подлиннаго міра. Такой человѣкъ могъ бы потомъ вернуться въ пещеру, къ покинутымъ тамъ братьямъ; онъ могъ бы разсказать имъ про то, что онъ видѣлъ; но они, конечно, не поймутъ, не оцѣнятъ его словъ... Это поэтическое представленіе было не просто плодомъ фантазіи великаго поэта-философа; оно имѣло глубокіе корни въ состояніи знаній той эпохи. Прежде всего, внѣшній міръ, при недостаточности положительныхъ свѣдѣній о немъ, являлся въ значительной степени случайнымъ; все, что мы воспринимаемъ посредствомъ чувствъ

казалось недостовѣрнымъ, неточнымъ, ошибочнымъ. Возьмемъ, напримѣръ, рядъ явленій внѣшней природы... Вотъ дерево; огонь превращаетъ его въ самого себя (сжигаетъ), потомъ самъ превращается въ воздухъ. Воздухъ сгущается въ тучи, тучи проливаютъ дождь; земля покрывается грязью и лужами; въ лужахъ появляются дождевые черви; потомъ лужи высыхаютъ, и на этомъ мѣстѣ вырастаетъ трава и т. д., и т. д., до безконечности. Этотъ хаосъ, этотъ потокъ явленій, казалось, дѣлалъ невозможнымъ настоящее познаніе внѣшняго міра. Надо было остановить этотъ потокъ; нужно было найти дерево, которое всегда было бы самимъ собой, не превращаясь ни во что другое, нуженъ былъ вѣчный огонь, всегда себѣ равный, и т. д. Это постоянство, эту опредѣленность и придавало міру предположеніе о существованіи „идей“. Далѣе, важное значеніе имѣло и слѣдующее. Уму грека связь между словомъ и предметомъ казалась гораздо тѣснѣе, чѣмъ теперь намъ. Греки были увѣрены, что не только всякій предметъ имѣетъ имя, но и всякому имени долженъ соотвѣтствовать предметъ. Они вѣрили въ самую тѣсную связь между словами и вещами. Поэтому, разъ есть слово и понятіе „справедливость“, должна была, по ихъ представленію, быть и вещь, соотвѣтствующая этому слову. Разъ есть слова „дерево“, „человѣкъ“, должны быть и соотвѣтствующіе предметы: дерево вообще,—не то или другое отдѣльное дерево, береза, сосна, а просто дерево; человѣкъ вообще,—не Сократъ или Платонъ, а просто человѣкъ. Такое рѣшеніе вопроса объ общихъ понятіяхъ дѣлало ихъ *реальными* вещами (res); а потому и ученіе это называется *реализмомъ* [1]). Эту теорію Платона оспаривалъ уже Аристотель, но его собственное ученіе по этому вопросу не вполнѣ опредѣленно.

Номинализмъ. Росцелинъ.

Первые мыслители среднихъ вѣковъ были реалистами, въ сейчасъ объясненномъ смыслѣ. Іоаннъ Скоттъ Эригена, Ансельмъ Кэнтерберійскій и др. были увѣрены, что общности (универсаліи) дѣйствительно существуютъ, какъ особые предметы. Но вскорѣ появилось и другое мнѣніе. Въ концѣ XI вѣка нѣкто Росцелинъ, каноникъ изъ Компьеня (во Франціи), сталъ учить, что „общности“—вовсе не предметы; это—просто слова, звуки (flatus vocis), имена (nomina). Поэтому, никакой „идеи“ человѣка, отдѣльно отъ всѣхъ человѣческихъ личностей, нѣтъ. Ученіе это получило названіе *но-*

1) Это средневѣковое значеніе слова *реализмъ*. Теперь такое ученіе назвали бы скорѣе *идеализмомъ*. Но въ средніе вѣка придавали особенное значеніе утвержденію *реальнаго* существованія идей.

миналпзма. Росцелинъ былъ обвиненъ въ страшной ереси „троебожія“, осужденъ на соборѣ въ Суассонѣ въ 1092 г. и изгнанъ изъ Франціи. По словамъ его обвинителей, эта ересь естественно вытекала изъ его номинализма: разъ номинализмъ содержитъ въ себѣ истину, то приходится признать, что въ Богѣ дѣйствительно существуютъ только три Ипостаси; единая же Сущность ихъ, то, что въ нихъ есть *общаго*, становится не болѣе, какъ названіемъ; а такъ какъ каждая изъ Ипостасей есть истинный Богъ, то какъ будто выходило, что Боговъ три. Такое смѣшеніе того, что доступно человѣческому познанію, съ превышающими его истинами вѣры характерно для тогдашней неопытной мысли.

Католическая церковь, услыхавъ, что изъ положеній номинализма можетъ вытекать такая ересь, отвернулась отъ этого ученія и долго впослѣдствіи поддерживала своимъ авторитетомъ реализмъ.

Абеляръ. У Росцелина учился—положимъ, очень короткое время—наиболѣе замѣчательный изъ схоластиковъ XII вѣка—Петръ Абеляръ (1079—1142 г.). Абеляръ былъ рыцарскаго рода изъ Бретани (замокъ его отца—Палэ, близъ Нанта). Красивый собой, смѣлый до дерзости и самоувѣренный до тщеславія, легко и изящно владѣвшій мыслью и словомъ, человѣкъ съ яснымъ и методическимъ умомъ—Абеляръ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе. Уже въ ранней юности онъ обошелъ нѣсколько тогдашнихъ школъ въ поискахъ знанія, а въ самомъ концѣ столѣтія мы видимъ его двадцатилѣтнимъ юношею въ Парижѣ. Здѣсь наибольшимъ успѣхомъ среди преподавателей пользовался архидіаконъ парижскій Гильомъ изъ Шампо, прозванный columna doctorum („столпъ учености“), начальникъ школы при соборѣ Notre Dame. По направленію своему, Гильомъ былъ реалистъ; онъ признавалъ, что истинная сущность вещей—въ томъ, что въ нихъ есть общаго. Его и началъ слушать Абеляръ.

Въ то время были въ обычаѣ собесѣдованія ученыхъ съ ихъ слушателями, и вотъ однажды Абеляръ, при полной аудиторіи, вызвалъ своего учителя на споръ по вопросу о природѣ общихъ идей. Діалектика Абеляра была блестяща, и Гильомъ, по общему мнѣнію, потерпѣлъ пораженіе. Самъ Абеляръ держался по этому спорному вопросу средняго мнѣнія: онъ полагалъ, что, хотя идеи отдѣльно отъ вещей и не существуютъ, однако ихъ нельзя признать и одними только словами: идеи—продукты (conceptio) ума и выражаютъ существенное свойство мысли. Это ученіе такъ и называется *концептуализмомъ*.

Послѣ побѣды надъ Гильомомъ Абеляръ уѣхалъ изъ Парижа

и открылъ собственную школу сначала въ Мелёнѣ, а потомъ близъ Парижа, въ Корбейлѣ. Усиленная работа съ массой учениковъ, стекавшихся отовсюду послушать молодого, но уже гремѣвшаго славой ученаго, подорвала его здоровье, и ему пришлось нѣсколько лѣтъ провести на родинѣ, въ помѣстьѣ отца. Между тѣмъ Гильомъ ушелъ изъ школы Notre Dame и основалъ конгрегацію (впослѣдствіи аббатство) св. Виктора, гдѣ продолжалъ читать лекціи. Вернувшись въ Парижъ, Абеляръ вмѣшался въ толпу его слушателей, возобновилъ прежній споръ и заставилъ Гильома отказаться отъ нѣкоторыхъ его мнѣній. Это окончательно погубило популярность Гильома. Между тѣмъ Абеляръ прошелъ курсъ богословія въ Ланѣ подъ руководствомъ очень извѣстнаго тогда учителя Ансельма и, вернувшись въ Парижъ, получилъ разрѣшеніе преподавать какъ богословіе, такъ и философію.

Въ Парижѣ Абеляръ тотчасъ же затмилъ всѣхъ другихъ учителей и сталъ въ общемъ мнѣніи рѣшительно первымъ изъ ученыхъ своего времени. Его лекціи отличались живостью и ясностью изложенія, оригинальностью и неожиданностью сравненій, свободой и рѣшительностью своей діалектики. Слушать его стекались отовсюду: изъ Англіи, Бретани, Нормандіи, Фландріи, изъ баскскихъ горъ, изъ Пуату, Анжу, изъ Испаніи и Германіи; въ Парижѣ всѣ его знали; одни гордились и любовались имъ, другіе завидовали ему.

Въ это время Абеляръ былъ приглашенъ преподавателемъ къ одной молодой дѣвушкѣ, совмѣщавшей въ себѣ замѣчательную красоту, нѣжность и величіе духа съ поразительными для того времени познаніями и съ замѣчательной чуткостью къ умственнымъ интересамъ. Это была Элоиза, племянница каноника при церкви Notre Dame Фульберта. Общность симпатій, совмѣстныя занятія сблизили ученицу съ учителемъ, и они полюбили другъ друга. Абеляръ забросилъ лекціи въ школѣ, рѣдко туда являлся, а если и приходилъ, то чаще всего импровизировалъ стихи въ честь милой Элоизы; слухъ о его любви къ ней пронесся по всему Парижу и дошелъ до ея дяди. Фульбертъ былъ страшно разгнѣванъ на Абеляра. Разныя недоразумѣнія обострили дѣло, и въ концѣ концовъ, какъ Абеляру, такъ и Элоизѣ пришлось отказаться отъ міра [1]). Абе-

[1]) Вотъ что она впослѣдствіи писала Абеляру: «Я тотчасъ послушалась твоего приказанія (поступить въ монастырь)... Никогда я не искала въ тебѣ ничего, кромѣ тебя самого... Клянусь Богомъ, что, если бы Августъ, властитель цѣлой вселенной, счелъ меня достойной быть его женой и повергъ бы

ляръ поступилъ въ монахи въ аббатство С. Дени; Элоиза, по его желанію, также постриглась въ одномъ монастырѣ, такъ какъ, потерявъ Абеляра, она потеряла все на свѣтѣ. Впослѣдствіи Элоиза была аббатиссой монастыря св. Духа (Параклета), основаннаго Абеляромъ, и пользовалась величайшимъ почетомъ и уваженіемъ со стороны пастырей церкви за мудрое управленіе, прекрасный характеръ, за всѣ лучшія качества души. Имя Элоизы перешло въ пѣсни, романы и разсказы и извѣстно всему западноевропейскому міру. И дѣйствительно, ея умственныя и нравственныя качества, широкое образованіе, нѣжность чувствъ, сила и прочность любви дѣлаютъ ее одной изъ лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ женщинъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Постригшись въ монахи, Абеляръ продолжалъ заниматься богословіемъ и учить... Но его ученіе о Божественной Троичности вызвало вскорѣ сильное неудовольствіе противъ него.

Абеляръ говорилъ, что, такъ какъ всякій единичный предметъ можетъ имѣть три свойства, то то же можно сказать и о Единомъ Богѣ: можно считать три Лица св. Троицы свойствами, качествами Бога. Бога Отца Абеляръ называлъ божественной Силой, Бога Сына—божественнымъ Разумомъ, св. Духа—божественной Благодатью, Милостью и Любовью. Такимъ образомъ, съ одной стороны, Абеляръ какъ бы впадалъ въ давно осужденную церковью ересь единства Божественной Личности, а съ другой, выходило, что Лица св. Троицы какъ бы не равны между собой: св. Духъ, напримѣръ, являлся лишеннымъ всемогущества и мудрости, а это была уже самая страшная ересь — хула на св. Духа. Затѣмъ, Абеляру поставили въ вину самое отношеніе его къ истинамъ и таинствамъ вѣры; онъ не хотѣлъ вѣрить просто, не разсуждая, — *вѣрить* и вѣрой понимать (какъ Ансельмъ) или *любить Бога* и познавать Его черезъ эту любовь (какъ учили мистики). Онъ хотѣлъ умомъ *понять* таинства вѣры, таинства, стоящія выше человѣческаго разумѣнія... Его противники, напротивъ, цѣнили только ту вѣру,

къ моимъ ногамъ свою власть надъ міромъ, я все-таки предпочла бы твою любовь... Да и кто, какая женщина или дѣвушка не горѣла желаніемъ видѣть тебя, не спѣшила взглянуть, когда ты являлся на улицахъ? Ты отлично владѣлъ тѣми двумя дарами, которые такъ высоко цѣнятся женщинами: прелестью разговора и изяществомъ пѣнія! Стихи, которые ты шутя сочинялъ въ часы отдыха отъ философскихъ занятій, сдѣлали мое имя извѣстнымъ во многихъ странахъ... И если бы ты очутился въ аду, то, видитъ Богъ, я не только не поколебалась бы послѣдовать за тобой туда,—по твоему приказанію, но даже съ радостью поспѣшила бы туда, чтобы предупредить тебя тамъ».

которая вѣритъ помимо разума, даже вопреки ему,—въ вѣрѣ же, согласной съ разумомъ, они не видѣли никакой заслуги передъ Богомъ... Самъ Абеляръ вовсе не считалъ себя еретикомъ и былъ пораженъ, когда на соборѣ въ Суассонѣ въ 1121 г. его осудили, какъ еретика, и приговорили къ заключенію.

Однако, въ заключеніи онъ пробылъ недолго. Выйдя на свободу, онъ устроилъ школу близъ Ножана на Сенѣ и основалъ здѣсь общину „Параклетъ“ (т. е. Утѣшитель) во имя св. Духа; тутъ около него опять собралось множество учениковъ. Но вскорѣ онъ уступилъ Параклетъ Элоизѣ, которая устроила здѣсь женскій монастырь, а самъ принялъ мѣсто аббата въ одномъ изъ монастырей Бретани. Черезъ нѣсколько лѣтъ Абеляръ опять вернулся въ Парижъ и преподавалъ тамъ съ прежнимъ успѣхомъ. Тутъ-то выступилъ противъ него Бернардъ, аббатъ монастыря Клерво (Clairvaux, Clara vallis).

Бернардъ Клервальскій.

Бернардъ (1091—1153) былъ человѣкъ совсѣмъ иного закала, чѣмъ Абеляръ. Если Абеляръ всю жизнь училъ и учился, жилъ умомъ, то Бернардъ былъ весь олицетвореніемъ религіознаго чувства. Ему казалось въ порывахъ этого чувства, что онъ какъ бы сливается своей душой съ Божествомъ... Такое настроеніе и называется мистицизмомъ, и Бернардъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ *мистиковъ* среднихъ вѣковъ.

Съ дѣтства онъ отличался чрезвычайной задумчивостью, любилъ уединеніе, и хотя его рыцарское происхожденіе, красивая внѣшность и блестящій ораторскій талантъ — все сулило ему впереди успѣхи на военномъ или вообще мірскомъ поприщѣ, но онъ все бросилъ, отъ всего отказался и ушелъ въ бѣдный и строгій монастырь Сито. Потомъ онъ самъ основалъ монастырь Клерво и, будучи тамъ аббатомъ, ввелъ самый строгій уставъ. Онъ такъ ревностно исполнялъ всѣ аскетическіе подвиги, что уничтожилъ въ себѣ самое желаніе пищи, потерялъ совершенно вкусъ; всякое сношеніе съ грѣховнымъ міромъ было для него мученіемъ: онъ сталъ подъ монашескимъ капюшономъ закупоривать себѣ уши воскомъ, чтобы не слыхать суетныхъ разговоровъ близкихъ ему людей, когда они навѣщали его въ монастырѣ. Говорятъ, что, проѣзжая однажды съ нѣсколькими лицами возлѣ одного изъ красивѣйшихъ въ мірѣ озеръ — Женевскаго, онъ совершенно его не замѣтилъ и былъ очень удивленъ, когда потомъ услыхалъ, что его спутники говорятъ о какомъ-то озерѣ... Выше всего Бернардъ ставилъ любовь къ Богу; всѣ остальныя добродѣтели, безъ любви, говорилъ онъ, сколько бы ихъ ни было, вовсе не безпокоятъ демоновъ...

Высшая ступень любви къ Богу — это, когда человѣкъ и самого себя любитъ только ради Бога; ея не достигаетъ никто изъ смертныхъ, но въ ней высшее блаженство человѣка.

Бернардъ былъ великій религіозный поэтъ и ораторъ; и его сильная личность, его горячее слово покоряли всѣ сердца и неотразимо дѣйствовали на окружающихъ. Онъ твердо и пламенно отстаивалъ свой монашескій подвигъ противъ мірскихъ стремленій и всѣхъ звалъ къ Богу, всѣхъ убѣждалъ всецѣло ему отдаться. И его проповѣдь была не напрасна... Онъ увлекъ за собой въ монастырь своего отца, двухъ братьевъ, замужнюю сестру. Одному изъ братьевъ, когда тотъ отказывался постричься, Бернардъ приложилъ палецъ къ груди и предсказалъ, что скоро здѣсь пройдетъ копье и откроетъ волѣ Божіей путь къ непокорному сердцу. Дѣйствительно, вскорѣ молодой рыцарь былъ раненъ и далъ обѣтъ постричься въ монахи. Бернардъ пользовался громаднымъ уваженіемъ у своихъ современниковъ, которые считали его пророкомъ и святымъ. Онъ громилъ монаховъ-клюнійцевъ за ихъ богатство, епископовъ, съ Сугеріемъ во главѣ, — за свѣткость и излишнее участіе въ политикѣ, давалъ указанія папамъ и государямъ, вдохновлялъ массы. Такъ, когда въ 1130 г. вслѣдствіе интригъ въ коллегіи кардиналовъ были избраны заразъ двое папъ, французскій король Людовикъ VI созвалъ въ Этампѣ соборъ, и рѣшеніе вопроса о томъ, который папа законный, было съ общаго согласія предоставлено, какъ Божье дѣло, Божьему человѣку — Бернарду... Бернардъ разсмотрѣлъ ходъ выборовъ того и другого папы, права на папство и личныя достоинства каждаго изъ нихъ... Простой монахъ сталъ, такимъ образомъ, судьей надъ высшимъ учрежденіемъ церковнымъ — надъ коллегіей кардиналовъ — и цензоромъ жизни обоихъ соперниковъ изъ-за апостольскаго престола. Бернардъ призналъ законнымъ папой Иннокентія II, и соборъ, ждавшій рѣшенія Бернарда, какъ слова, исходящаго отъ св. Духа (по выраженію современника), принялъ съ восторгомъ его рѣшеніе и безъ голосованія присягнулъ Иннокентію.

Бернардъ былъ однимъ изъ вождей и въ томъ великомъ движеніи, которое увлекало Западъ въ крестовые походы. Онъ, по просьбѣ перваго магистра военно-монашескаго ордена тампліеровъ, написалъ трактатъ „во славу новаго воинства“, гдѣ въ сильныхъ словахъ и образахъ представилъ идеалъ, къ которому должны были стремиться эти рыцарскіе ордена... Но кромѣ того, Бернардъ принялъ и болѣе активное участіе въ этомъ дѣлѣ: онъ про-

повѣдывалъ второй крестовый походъ (1147 г.). Около этого времени владѣнія христіанъ въ Палестинѣ подвергались страшной опасности, и сельджуки были уже недалеко отъ Іерусалима. Папа для проповѣди и организаціи похода выбралъ Бернарда. Больной, изможденный, едва передвигавшій ноги, Бернардъ повиновался. Въ городкѣ Везеле во Франціи собралась громадная толпа людей всѣхъ сословій, расположившаяся по склону холма. На вершинѣ этого холма былъ поставленъ деревянный помостъ, и туда взошелъ Бернардъ въ сопровожденіи французскаго короля Людовика VII. Уже одинъ видъ Бернарда, болѣе похожаго на духа, на привидѣніе, чѣмъ на человѣка, поразилъ всѣхъ; онъ началъ говорить,—и слова огненнымъ потокомъ полились изъ устъ его... Толпа дрогнула отъ религіозно-воинственнаго энтузіазма... раздался крикъ: „крестовъ! крестовъ!“—и у Бернарда не хватило заготовленнаго заранѣе запаса ихъ.

Этотъ порывъ обезпечилъ участіе Франціи въ задуманномъ крестовомъ походѣ. Оставалось склонить къ тому же Германію. Императоръ Конрадъ III и слышать не хотѣлъ о походѣ, но Бернардъ явился къ нему и угрозой Страшнаго Суда заставилъ принять крестъ... Чтобы возбудить религіозную ревность въ нѣмецкомъ народѣ, Бернардъ предпринялъ путешествіе по Рейну... Нѣмцы не понимали ни слова изъ его рѣчей, но звукъ его голоса и выраженіе лица производили потрясающее впечатлѣніе, — и во Франкфуртѣ на Майнѣ народъ, тѣснясь въ пылу восторга, едва не задавилъ вдохновеннаго проповѣдника, такъ что мощный Конрадъ Гогенштауфенъ, сбросивъ съ плечъ свой императорскій плащъ, схватилъ его въ свои объятія и, высоко поднявъ надъ толпой, вынесъ изъ собора.

Схоластика и мистика.

Таковъ былъ человѣкъ, выступившій противъ Абеляра. Въ лицѣ ихъ здѣсь столкнулись два главныхъ и кореннымъ образомъ противоположныхъ умственныхъ теченія среднихъ вѣковъ: мистическое и схоластическое. Схоластики мыслили, работали надъ расчлененіемъ и соединеніемъ понятій; мистики молились и созерцали, трепетали и каялись; тамъ была увѣренность въ силахъ своего ума,—здѣсь сознаніе своего ничтожества; тамъ бойкій, веселый школьникъ-клирикъ, здѣсь—угрюмо восторженный отшельникъ; тамъ школа, хотя и тѣсно связанная съ церковью, здѣсь — монастырь.

Понятно, что Бернардъ не могъ сочувствовать ученіямъ Абеляра. Въ 1140 г. онъ выставилъ противъ него обвиненія въ самыхъ страшныхъ ересяхъ: онъ называлъ его послѣдователемъ заразъ и Арія и Савеллія, говорилъ, что Сына Божія по Его воплощеніи Абе-

ляръ уже не считаетъ Лицомъ св. Троицы, что вѣру онъ называетъ просто „мнѣніемъ“ (opinio), грѣхомъ считаетъ не самый поступокъ, а намѣреніе, не грѣховное дѣло, а только грѣховную волю, такъ что зло, сдѣланное по невѣдѣнію, по его мнѣнію, — не грѣхъ... Значитъ, по ученію Абеляра, не виновны евреи, распявшіе на крестѣ Христа, такъ какъ они казнили въ Немъ не Мессію, а простого преступника—съ ихъ точки зрѣнія! Таковы были главные изъ пунктовъ обвиненія.

Въ основѣ всего этого преслѣдованія лежало убѣжденіе, что Абеляръ подрываетъ самую религію, что онъ отыскиваетъ въ ней все, что могло ее уронить, и въ ущербъ христіанству превозноситъ язычество и древнюю мораль... Дѣйствительно, въ одномъ сочиненіи („Разговоръ философа, еврея и христіанина“) Абеляръ язычество ставилъ выше іудейства и признавалъ, что лучшіе изъ языческихъ философовъ войдутъ въ царствіе Божіе вмѣстѣ съ христіанами; но отсюда, конечно, еще далеко до того, въ чемъ его обвиняли противники.

Особеннымъ нападкамъ подвергалось сочиненіе Абеляра, озаглавленное „Sic et Non“ („Да и нѣтъ“). Въ этомъ сочиненіи Абеляръ собралъ 158 пунктовъ, по которымъ можно найти противорѣчія въ источникахъ ученій католической церкви. Надо замѣтить, что противорѣчія эти были часто болѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя; кромѣ того, далеко не всѣ церковные писатели, которыхъ цитируетъ Абеляръ, имѣютъ одинаковый авторитетъ... Такимъ образомъ, это сочиненіе Абеляра было вовсе не такъ страшно, какъ казалось его противникамъ. Напротивъ, такое сопоставленіе было необходимо для того, чтобы намѣтить главные пункты, подлежащіе разъясненію, безъ чего нельзя было начать разработки богословія. Дѣйствительно, такая разработка скоро началась, и „Sic et Non“ послужило основой для многихъ трудовъ, признанныхъ католической церковью совершенно свободными отъ всякой ереси и создавшихъ въ слѣдующемъ вѣкѣ полную систему католическаго вѣроученія. Въ числѣ 158 вопросовъ, намѣченныхъ Абеляромъ, есть и болѣе важные, есть и очень второстепенные.... Такъ, вопросъ 52-й состоитъ изъ сопоставленія нѣсколькихъ мѣстъ Библіи, причемъ оказывается, что въ одномъ случаѣ сказано, что Адамъ созданъ въ раю, а въ другомъ,—что внѣ рая; вопросъ 147-й, напр., сопоставляетъ мнѣнія двоихъ изъ св. Отцевъ, изъ которыхъ, по одному, выходитъ, что грѣхъ Каина будетъ когда-нибудь прощенъ, а по другому,—что этого быть не можетъ, и т. п. Вопросы

у Абеляра остаются нерѣшенными; самъ онъ не даетъ на нихъ никакого отвѣта; онъ выставляетъ только пункты для критики. Надо замѣтить, что форма положенія и противоположенія не представляла вообще чего-либо необычайнаго въ средніе вѣка: она была любимой формой изложенія у всѣхъ схоластиковъ.

Соборъ въ Сансѣ. Смерть Абеляра.

Но хотя Абеляра можно было защищать, нисколько не погрѣшая противъ своей религіозной совѣсти, однако, общее мнѣніе, подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, Бернарда, было враждебно обвиняемому. По просьбѣ самого Абеляра, король Людовикъ VII созвалъ для суда надъ нимъ соборъ въ г. Сансѣ на Троицынъ день 1141 года. Туда съѣхалось множество епископовъ, графовъ и рыцарей, аббатовъ, пріоровъ, деканов, архидіаконовъ и простыхъ клириковъ. Сансъ былъ городомъ вполнѣ церковнымъ; вліяніе епископа было всесильно, и народъ уже прежде привыкъ слышать, какъ Абеляра въ проповѣдяхъ называютъ антихристомъ и сатаной.... И вотъ, оба противника вступаютъ въ городъ.... въ одни ворота—Бернардъ, одѣтый въ грубое платье своего монастыря, ему предшествуетъ молва о его святости и чудесахъ; съ другой стороны въѣзжаетъ Абеляръ, еще гордо, несмотря на свои годы и несчастья, несущій свою красивую голову, окруженный учениками далеко не монашескаго вида.... Всюду, гдѣ проходилъ св. аббатъ, народъ падалъ на колѣни, и головы склонялись подъ благословеніе чудотворной руки; напротивъ, если кто любопытствовалъ взглянуть на Абеляра, всякаго охватывалъ ужасъ при мысли о томъ, что онъ интересовался столь ужаснымъ еретикомъ....

Абеляръ, однако, не думалъ, что его дѣло окончательно проиграно: онъ надѣялся на поддержку тѣхъ, чьи религіозныя мнѣнія были менѣе нетерпимы, надѣялся на общественное мнѣніе, вѣровалъ въ свой великій діалектическій талантъ.... Но теперь все было противъ него, даже полная торжественности обстановка собора .. и среди нея этотъ монахъ, уже возведенный въ святые народной молвой....

Бернардъ обвинялъ; но едва начали читать 17 положеній, извлеченныхъ изъ сочиненій Абеляра и признанныхъ еретическими, какъ Абеляръ прервалъ чтеніе, сказавъ, что онъ не признаетъ другого судьи, кромѣ папы, и вышелъ съ учениками изъ засѣданія. По настоянію Бернарда, соборъ призналъ Абеляра еретикомъ...

Теперь вопросъ былъ въ томъ, какъ посмотритъ на дѣло Римъ.... Бернардъ имѣлъ большое вліяніе на папу, который былъ ему обязанъ признаніемъ законности своего избранія, и теперь онъ воспользо-

вался этимъ вліяніемъ. По его внушенію, были составлены два письма къ папѣ отъ епископовъ, засѣдавшихъ на соборѣ; кромѣ того, онъ писалъ лично отъ себя: онъ думалъ окончить жизнь спокойно, но онъ не зналъ, что здѣсь долина скорби, земля забвенія.... Возсталъ Голіаѳъ, тѣмъ болѣе смѣлый, что противъ него нѣтъ Давида; Голіаѳъ этотъ—Абеляръ. Пусть папа вспомнитъ о своемъ долгѣ защищать церковь, пусть раздавитъ ярость еретиковъ, пусть онъ схватитъ, пока они еще малы, лисенятъ, портящихъ виноградники Господа!... Бернардъ писалъ также многимъ кардиналамъ, рѣзко обличая Абеляра, называя его творцомъ лжи, создателемъ превратныхъ ученій, еретикомъ еще болѣе опаснымъ по упорству, чѣмъ по зловредности своихъ ученій.

Абеляръ отправился было самъ въ Римъ искать суда у папы, но по дорогѣ попалъ въ монастырь въ Клюни, гдѣ аббатомъ былъ Петръ Почтенный (Petrus Venerabilis), кроткій и просвѣщенный пастырь церкви, проникнутый истинно-христіанской любовью.... Абеляръ остался здѣсь и прожилъ почти два года, исполняя всѣ самыя тяжелыя работы въ монастырѣ, грустный, молчаливый, задумчивый. Вскорѣ онъ написалъ здѣсь отреченіе отъ своихъ мнѣній, осужденныхъ Санскимъ соборомъ, примирился съ Бернардомъ и умеръ 21 Апрѣля 1142 года. Впослѣдствіи прахъ его былъ положенъ въ одну гробницу съ останками Элоизы; надпись гласила: Requiescant a labore doloroso et amore.

Дѣло Абеляра не пропало: онъ создалъ тотъ „діалектическій“ методъ, который утвердился съ тѣхъ поръ въ католической церкви и которымъ работали всѣ свѣтила схоластическаго богословія и философіи. Одинъ изъ учениковъ Абеляра—Петръ Ломбардъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ парижскимъ, написалъ 4 книги „Мнѣній“ (Sententiarum), гдѣ свелъ взгляды св. Отцевъ на главные вопросы богословія. Это сочиненіе послужило основой для дальнѣйшихъ трудовъ въ томъ же родѣ; его изучали въ позднѣйшее время въ школахъ больше, чѣмъ даже Библію. Къ числу учениковъ Абеляра принадлежали еще очень многіе наиболѣе выдающіеся люди слѣдующаго поколѣнія: знаменитый Арнольдъ изъ Брешіи, выдающіеся ученые и писатели—Іоаннъ Сольсберійскій, Оттонъ Фрейзингенскій, Гильбертъ изъ Поррэ, бывшій епископомъ Пуатье, и др. Возбужденное Абеляромъ умственное движеніе дало богатые плоды особенно въ слѣдующемъ (XIII) столѣтіи.